

убить бандитами», дѣлая изъ него такимъ образомъ «мученика революціи».

Вообще, то обстоятельство, что книга издана подъ совѣтской цензурой, является причиной многихъ нелѣпостей, угловато и неожиданно выступающихъ иногда изъ контекста, вродѣ: — «день годовщины переворота Блоки провели, какъ настоящіе пролетаріи и революціонеры...». Какимъ контрастомъ звучать зато осторожныя описанія фактовъ, описанія, тоже долженствующія свидѣтельствовать о томъ, «что Блоки всегда были за рабочихъ» и весьма довольны новымъ строемъ: «Блоки вообще примѣнились къ новымъ условіямъ жизни. Они кое-что начали продавать. Голодать больше не приходилось»... Вотъ только по вечерамъ темнота удручала, сильно дѣйствовала на глазные нервы. А въ одномъ изъ послѣднихъ писемъ Блока къ матери, говорится: «Дѣло вовсе не въ падагрѣ, а въ томъ, что у меня, какъ результатъ однообразной пищи, сильное истощеніе и малокровіе, глубокая невралгія, на ногахъ цынготныя опухоли и растяженіе венъ...».

Все это приобретаетъ особую остроту подъ перомъ человѣка, переживавшаго голодъ вмѣстѣ съ Блокомъ, можетъ быть, дѣлывшаго съ нимъ кусокъ хлѣба, пишушаго въ еще не отзвучавшее время, въ странѣ, еще побивающей своихъ пророковъ и строящей имъ затѣмъ гробницы.

Въ книгѣ Бекетовой часто попадаютъ имена людей, которыхъ мы знаемъ, съ которыми встрѣчаемся здѣсь, въ Парижѣ. Не безъ интереса читаются, такія, напримѣръ, строки:

«Знакомство съ Мережковскими произошло такимъ образомъ. Александръ

Александровичъ пришелъ къ нимъ въ домъ брать билеты на какую-то лекцію. Когда онъ назвалъ свою фамилію, Зинаида Николаевна воскликнула: «Блокъ? Какой Блокъ? Это вы пишете стихи? Это не о васъ говорилъ Андрей Бѣлый?» Узнавъ, что онъ и есть тотъ самый Блокъ о которомъ ей говорили Соловьевъ и Андрей Бѣлый, Зинаида Николаевна повела его къ мужу, и знакомство состоялось».

Для будущаго біографа, книга Бекетовой, написанная съ помощью матери Блока и вдовы, будетъ, несомнѣнно, имѣть первостепенный интересъ, въ особенности въ той ея части, которая посвящена дѣтству и юности поэта. По прочтеніи ея такія названія, какъ Шахматово, какъ-будто дѣлаются частью собственнаго прошлаго, собственнаго дѣтства.

Л. Кельберинъ

М. Вишнякъ. Два пути. Изданіе «Совр. Зап.» Парижъ 1931

(О революціи и о «правдѣ»)

*...Я измѣняюсь,—но
не измѣняю...»*

Одной изъ самыхъ интересныхъ, значительныхъ и нужныхъ книгъ послѣдняго времени я считаю книгу М. Вишняка «Два Пути».

Приверженцы всякихъ «специализаций» отнесутся скептически къ моей критикѣ, къ моимъ утвержденіямъ: книга — о «политикѣ», и авторъ специальный политикъ; я-же (какой ни на есть) — поэтъ, беллетристъ; и критикъ (будто-бы) чисто-литературный.

Нужно-ли въ сотый разъ повторять, что надъ всѣми «спеціальными» точками зрѣнія есть высшая, специализмы

нивелирующая? Есть и книги, которых иначе, как съ этой высшей точки зрѣнія, и нельзя судить. Книга М. Вишняка — одна изъ нихъ. Это, я не сомнѣваюсь, докажетъ будущее: судъ политиковъ надъ «политической» книгой «Два пути». Посмотримъ, разглядятъ-ли они ея главное, то, что и дѣлаетъ ее сегодня такой значительной.

Тема — наши «Февраль» и «Октябрь». Не «исторія» революціи, не послѣдовательное описаніе событій. Да вѣдь «описать» событіе еще не значитъ его постичь. Для этого надо еще сцѣпить съ событія, въ конкретной обстановкѣ, связать ихъ вмѣстѣ въ общій процессъ, что предпологаетъ опредѣленное отношеніе къ явленію, т. е. наличность взглядовъ и точекъ зрѣнія.¹

Да, именно постичь, т. е., оцѣнивая явленія, вскрывать ихъ смыслъ, — вотъ первая задача автора данной книги. Ему необходимо, конечно, и бороться противъ «уже сдѣланныхъ искаженій» (въ исторіяхъ о недавнемъ прошломъ); предупредить, «въ качествѣ современника-очевидца, появленіе будущихъ легендъ о революціи». Настоящій смыслъ явленій ускользаетъ, если они переданы искаженно.

А потому, для утвержденія «своей точки зрѣнія» на пережитое, «своего отношенія» къ событіямъ (дѣйствительнымъ), М. Вишнякъ прибѣгаетъ также и къ методу критики многихъ, уже появившихся, «исторій» (русской революціи); изслѣдуетъ и оцѣниваетъ взгляды авторовъ.

Если мы будемъ внимательны, то замѣтимъ, что въ книгѣ, помимо хоро-

шо подобранныхъ и расположенныхъ доводовъ, есть еще нѣчто: оно-то и позволяетъ М. Вишняку съ такой особой убѣдительностью вскрывать «искаженія» историковъ, съ такой простотой и ясностью утверждать свое собственное «отношеніе» къ событіямъ. Въ чемъ дѣло? Я думаю, въ извѣстномъ отношеніи къ своему отношенію. Бываютъ счастливыя книги, гдѣ авторъ не просто рассказываетъ о своемъ «взглядѣ» на предметъ, но говоритъ о своей «правдѣ». Къ такимъ книгамъ принадлежитъ и книга «Два Пути».

Не стоитъ притворяться, будто мы не понимаемъ разницы, имѣть-ли свое, какъ «правду», или имѣть свои «взгляды». Взгляды мѣняются (порою должны мѣняться), правдѣ-же человѣкъ никогда не измѣняетъ. Надо еще помнить, что никогда онъ не мыслитъ (и не чувствуетъ) ее, какъ личную, только для себя, но какъ объективную, для всѣхъ, — иначе она не «правда» и для него.

Слова говорящаго о такой «правдѣ» и приобрѣтаютъ особую убѣдительность. Другой вопросъ, почему большинство ихъ все-таки не слышитъ, какая бы это правда ни была, чего бы ни касалась, общаго или частнаго. Въ концѣ-то концовъ ни она, ни даже элементы правды — не погибаютъ; только у большинства на всякую очень медленную реакцію.

Вернемся, однако, къ М. Вишняку и его «правдѣ» о русской революціи.

Чтобы полнѣе вскрыть положительный смыслъ ея (февральской, ибо съ точки зрѣнія автора октябрьскій переворотъ «революціей» зваться не можетъ), — Вишнякъ даетъ намъ, въ на-

¹ Въ цитатахъ вездѣ курсивъ автора.

чалъ, общую картину событій (дѣйствительныхъ); всего того, что революціи предшествовало, ее вызвало, что ее оборвало, погрузивъ Россію въ глубину ея сегодняшней пропасти.

Оцѣнка Октября, какъ противоположенія Февралю, занимаетъ въ книгѣ Вишняка очень важное мѣсто. Онъ настаиваетъ, что между революціей и «штабнымъ переворотомъ» въ октябрѣ нѣтъ общаго ни внѣшне, ни, главное, внутренне. Абсолютно неприемлемо для автора легкомысленно-распространенное (среди большинства политиковъ) мнѣніе, что февральско-мартовская революція — лишь прологъ къ октябрю. Протестуя противъ всѣхъ, дѣлающихъ изъ русскихъ потрясеній какое то «мартобря», Вишнякъ справедливо полагаетъ, что они вообще не понимаютъ ни исторіи, ни революціи, такъ какъ не учитываютъ въ нихъ момента и р р а ц і о н а л ь н а г о .

Въ рационализмъ упрекаетъ авторъ и Маклакова (даже въ «сверхъ-рационализмѣ»), и Милюкова. Спокойный разборъ «Исторіи» послѣдняго (отчасти исторіи его смѣняющихся взглядовъ) очень удаченъ. М. Вишнякъ отмѣчаетъ (напомнивъ кое-что изъ фактическаго прошлаго): «Конструируя свою Исторію, П. Н. Милюковъ былъ уже во власти совсѣмъ другихъ чувствъ»... Поэтому «интересная работа его не есть ни философія, ни исторія русской революціи».

Кстати, мнѣ понятно удивленіе Вишняка: разобравъ и оцѣнивъ по достоинству «Записки Суханова», этой лживой и «морально дефективной личности», Вишнякъ прибавляетъ: а «Милюковъ р е к о м е н д у е т ь эти семь томовъ въ качествѣ полезнаго дополне-

нія къ его собственному изложенію въ трехъ томахъ, т. е. къ разобранной нами выше его «Исторіи революціи».

Что касается Маклакова, — позиція его такъ слаба, такъ невѣрна прямо фактически, что Вишняку не стоило большого труда ее опрокинуть. У Маклакова явилась (уже въ эмиграціи, вѣроятно) странная увѣренность: будто умѣренные, наши либералы (партія к-д., прогрессивный блокъ), могли предотвратить всякую революцію: стоило имъ лишь дѣйствовать смиреннѣе, быть «законопослушнѣе» (!)

М. Вишнякъ возстановляетъ дѣйствительность: предотвратить революцію было н е л ь з я ; если-же либеральная общественность въ чемъ и повинна, такъ именно въ томъ, что, не понимая этого, вела себя съ излишней «законопослушностью»; даже совершившейся революціи она не приняла, тогда какъ предугадывая «неизбѣжное и приготовившись къ нему, она, дѣйствіями своими в н у т р и р е в о л ю ц і и , могла бы, можетъ быть, предотвратить октябрьскій переворотъ.

Два слова еще объ одной схваткѣ М. Вишняка: съ Ф. Степунемъ. Побѣдить послѣдняго, противопоставивъ его «Религіозному смыслу революціи» точку зрѣнія Вишняка, — не трудно, не хитро. Но... громадный трудъ, большая затрата силъ нужна, чтобъ до «смысла» этого добраться. Таковы писанія Степуна: сквозь нихъ надо пролѣзть, какъ сквозь отчаянно-запущенный, болотистый, лѣсъ, а это не всякому подъ силу. Большинство въ безмолвномъ изумленіи останавливается передъ хаотической громадой вывернутыхъ словъ. А малоискушенные въ русской словесности, бываетъ, и соблазняются: это, молъ,

такой у Степуна «сверх-художественный» язык! Не легко, конечно, разобратся; но — букет причудливых цвѣтов!

М. Вишнякъ разглядѣлъ, что не букетъ, а куча хвороста, и съ завиднымъ безстрашіемъ врѣзался въ нее, во всѣ «типологическія трансраціональности», во всѣ «осмысливанія, обезсмысливанія и переосмысливанія». Много разъ и мнѣ хотѣлось сдѣлать то-же, да не хватало энергіи на предварительный трудъ: мнѣ даже случалось приводить тѣ-же самыя цитаты изъ Степуна, которыя приводитъ Вишнякъ (объ искажающемъ революцію «мартобря» и о возможной истинѣ у большевиковъ) — но у Вишняка эти цитаты, благодаря продѣланной работѣ, совсѣмъ по новому ярки. И на фонѣ ихъ лжи — особенно ярка правда о революціи.

Эта «правда», о которой говоритъ въ своей книгѣ М. Вишнякъ, — есть и моя «правда» — о томъ-же самомъ. Напоминаю, что человекъ, защищающій свое, какъ «правду», всегда мыслить ее объективной: иначе она для него и не «правда». Только съ этой, объективной, стороны меня и интересуетъ совпадаемость нашихъ «правдъ» (помимо того, что я, естественно лучше другихъ понимаю и «слыша» слова Вишняка, являюсь и лучшимъ судьей его книги).

Цѣнность совпаденія подчеркивается въ данномъ случаѣ тѣмъ, что и вообразить себѣ, кажется, нельзя болѣе разныхъ книгъ, чѣмъ «Два Пути» — и моя (на ту-же тему), а равно и болѣе отдаленности, разности, несхожести положеній ихъ авторовъ. «Два Пути» — серьезно обдуманная книга выводовъ и закрѣпленій; моя — запись событий (и оцѣнка ихъ) тутъ-же, на мѣ-

стѣ, въ день, — иногда часть, — когда они происходили. «Два Пути» написаны дѣйственнымъ политикомъ, находившимся внутри событий; моя — только стороннимъ, хотя и близкимъ, свидѣтелемъ.

У меня почти нѣтъ чувства «авторства» къ этой книгѣ, къ рукописи, десять лѣтъ мной невидѣнной; но «правда» моя (то, чему не измѣняютъ) въ ней остается. И не только рисунокъ главныхъ событий и фактовъ совпадаетъ въ ней съ рисункомъ Вишняка, — но одинаково оцѣниваются, трактуются, «сцѣпливаются» крупныя и мелкія явленія въ обѣихъ книгахъ.

Не скоро пришлось бы мнѣ кончить, вздумай я иллюстрировать параллельными цитатами одинаковость «о т н о ш е н і я» обѣихъ пишущихъ къ абсолютизму, къ его положенію въ послѣдніе годы, къ неизбѣжности революціи, къ слѣпотѣ «умѣренныхъ» и фатальной тактикѣ ихъ, къ февральской революціи (которую «никто не дѣлалъ», «сама сдѣлалась») къ причинамъ «безвластія» Вр. Правительства и т. д. и т. д., — вплоть до одинаковаго отношенія къ темному октябрьскому перевороту, этой не только не «революціи», но прямой ея противоположности. И не всякій-ли, кто скажетъ о «Смыслѣ Февраля», какъ Вишнякъ, долженъ тотчасъ-же сказать и о «Миѣ Октября»?

Повторяю, совпаденіе «правдъ» о революціи въ столь разныхъ книгахъ, двумя столь разными людьми въ разное время написанныхъ, интересуетъ меня съ объективной стороны. Какъ могла явиться эта общность взора на одинъ и тотъ-же моментъ исторіи у

двухъ людей, между которыми нѣтъ, казалось-бы, ничего общаго?

Впрочемъ, есть. Это — что оба они (скажу словами Вишняка) — «пережили революцію въ реальности..., имѣли возможность ощутить ея непосредственное дыханіе... И такое, почти физиологическое воспріятіе ритма событій, цвѣтовъ и тѣней революціи, не только субъективно-убѣдительное всякаго о ней послѣдующаго книжнаго знанія. Оно и о б ъ е к т и в н о поучительное».

Да, такое «общее» важно. Или — совсѣмъ не важно. Вѣдь у Вишняка оно общее и съ тѣми, съ кѣмъ онъ спорить, кому о своей «правдѣ» говорить и.. кто ея не слышитъ. Должно быть, мало имѣть только возможность (физическую) ощутить «дыханіе, ритмъ, цвѣта и тѣни» революціи...

Вишнякъ знаетъ это: недаромъ такъ настойчиво упрекаетъ онъ современныхъ «историковъ» — въ р а ц і о н а л и з м ѣ.

Слишкомъ ясно, что чистые рационалисты (а таково большинство «чистыхъ политиковъ») никакихъ «дыханій и ритмовъ» услышать не могли. Не услышать они и Вишняка. У нихъ нѣтъ органовъ для воспріятія о б ъ е к т и в н о й п р а в д ы.

А теперь мнѣ остается сказать нѣсколько словъ еще объ одной сторонѣ книги М. В. Вишняка.

Будетъ ли это судъ надъ ней — не знаю. Во всякомъ случаѣ отмѣтить данную сторону считаю нужнымъ.

М. Вишнякъ отнюдь не призываетъ къ забвенію прошлаго, прошлыхъ ошибокъ: «въ памяти прошлаго предосте-

реженіе будущему», а что касается ошибокъ — то «иногда ошибки хуже преступленій».

«Mea culpa — всегда достойно уваженія, какъ актъ мужества, — говоритъ онъ еще. — Покаяніе всегда полезно для самопознанія и самооцѣнки кающагося». И, какъ будто въ прямой связи съ этимъ, онъ бросаетъ упрекъ: «... В. Маклаковъ пишетъ о ч у ж и х ѣ, пишетъ о с в о и х ѣ (людяхъ его партіи) но только не о себѣ».

Какъ, однако, понять этотъ упрекъ? Вѣдь самъ-то Вишнякъ не только о себѣ, но и о «своихъ» не говоритъ въ книгѣ ни слова. Между тѣмъ роль этихъ, автору «своихъ», была, въ теченіе революціи, безспорно—«в и д н ѣ й ш е й». Почему-же «виднѣйшіе» и роль ихъ «не подвергаются ни разбору, ни даже изложенію» въ трудѣ Вишняка, такомъ обстоятельно-углубленномъ?

Авторъ предупреждаетъ объ этомъ въ предисловіи, но никакихъ поясненій не даетъ. Мы не знаемъ, откуда явились перерывы въ четкой линіи общаго его рисунка, и можемъ лишь строить догадки.

Опасеніемъ внести въ книгу элементъ субъективный — объяснить замалчиваній нельзя. Вишнякъ отлично понимаетъ, что безъ этого элемента никакой книги не напишешь; да и бояться-ли его, разъ все время подчеркиваешь «свою точку зрѣнія», свое «отношеніе» и т. д.?

Поищемъ другихъ причинъ.

Мы уже отмѣчали, что книга Вишняка принадлежитъ къ «счастливымъ» книгамъ, гдѣ авторъ не просто рассказываетъ о своихъ взглядахъ и отношеніяхъ, но говоритъ о нихъ к а к ѣ о с в о е й «п р а в д ѣ», — (о томъ,

чему всякій остается вѣренъ до конца).

Человѣкъ, способный имѣть «свою правду», бываетъ, обыкновенно, и природно-вѣрнымъ: т. е. онъ вообще отвергаетъ измѣну, всякую, даже все, что похоже на измѣну. А, между тѣмъ, то и дѣло создаются положенія, когда приходится либо «правдѣ» своей измѣнить, либо совершить что-то вродѣ измѣны по отношенію къ «ближнимъ»... и даже самымъ близкимъ своимъ ближнимъ, порою.

Если мы допустимъ, что именно въ такое положеніе поставила Вишняка жизнь — мы поймемъ его умолчаніе.

Въ самомъ дѣлѣ: не уклоняясь отъ «правды», разсматривая, все подъ тѣмъ же угломъ зрѣнія, «виднѣйшую» роль «своихъ» въ революціи, — какъ избѣжать-бы Вишнякъ указанія на ихъ ошибки? Пусть это даже не тѣ ошибки, которые «иногда хуже преступленийъ», все равно; въ силахъ-ли Вишняка пойти на хотя-бы подобіе измѣны? Нѣтъ: а такъ какъ «правдѣ»-то онъ и совсѣмъ измѣнить не можетъ — онъ останавливается. Избираетъ благую часть.

Именно благую: еще неизвѣстно, что вышло бы у Вишняка, рѣшился онъ все таки «подвергнуть разбору и изложенію» роль «своихъ». Судя по нѣкоторымъ его словамъ и замѣчаніямъ, вскользь брошеннымъ въ данную сторону, онъ съ задачей могъ и не справиться. Слова эти сбивчивы, противорѣчивы. Хотя фаталистическая точка зрѣнія авторомъ принципиально отрицается, онъ говоритъ о роковой безвыходности положеній; странно звучитъ также фраза, что въ какой-то моментъ Вр. Правительство было «вы-

нуждено опереться на большевиковъ». И ужъ недалеко отъ прямого искаженія дѣйствительности замѣчаніе (бѣглое, правда) что власть революціоннаго правительства въ лѣтніе мѣсяцы 17 г. постепенно крѣпла; и что, такимъ образомъ, къ концу августа правительство это было весьма устойчиво. Подобное утвержденіе, высказанное недавно (на стр. Совр. Записокъ), А. Керенскимъ, вызвало отпоръ даже со стороны г-жи Кусковой, извѣстной защитницы «мар-тобря» и рационалистки, давно отпѣтой.

Вотъ такія рѣдкія, краткія замѣчанія, тамъ и сямъ попадающіяся въ книгѣ Вишняка, и заставляютъ опасаться, что примись онъ, все-же, за подробное «изложеніе» и «разборъ», вышло бы у него кое что... ну, не «по неправдѣ», а не совсѣмъ «по правдѣ»...

Нѣтъ, умолчанія лучше. Такъ — будто и

«Не было измѣны. Только тишина.
Вѣчная любовь. Вѣчная весна...»

Судить «вѣрность» я вообще не могу. Судить-же за нее автора «счастливой» книги могу тѣмъ менѣе: во всей глубинѣ понимая его «правду» — я понимаю и трудность его положенія.

Въ моей книгѣ-дневникѣ умолчаній нѣтъ (или мало), но какая въ этомъ заслуга? Писалъ книгу человѣкъ сторонній, не политикъ, не связанный никакими «своими». Да и то еще вопросъ: можетъ быть, слѣдовало и въ ней о комънибудь чего-нибудь не говорить...

Слишкомъ (для темы) краткую замѣтку мою я кончу, возвратившись къ началу: «Два Пути» книга важная, значительная и нужная. Въ ней та прав-

да о революціи и Россіи, которую нужно знать всѣмъ. Правда утверждена Февраля — и полная, окончательная, отпущена Октября.

Не къ эмпирическому февралю 17 г. вернется Россія: она вернется — и неминуемо, — на дорогу, имъ проложенную.

«Тотъ Февраль, благословенный, — невозвратимъ и неповторимъ. Но живетъ и пребудетъ, пока жива Россія, и д е я Февраля, его метансторическая сущность: Россія, преображенная Февралемъ въ націю».

З. Н. Гиппиусъ

Ст. Ивановичъ (В. И. Талинъ). Красная армія. Парижъ 1931

Новая книга Ст. Ивановича «Красная Армія» — одинъ изъ большихъ трудовъ этого автора.

Задавшись цѣлью познакомить читателя съ тѣми средствами и методами при помощи которыхъ совѣтская власть и коммунистическая партія пытаются превратить нынѣшнюю русскую армію въ армію «красную», Ст. Ивановичъ использовалъ источники и обширный матеріалъ какъ русской, такъ и иностранной литературы.

Интересное содержаніе и форма изложенія дѣлаютъ книгу доступной широкимъ кругамъ читателей, которые подробно знакомятся съ насиліемъ, применяемымъ большевиками въ военной доктринѣ коммунизма. Становится яснымъ, что все воспитаніе, какъ красной арміи, такъ и всего населенія Россіи пропитано ярко выраженной враждой къ пацифизму, какъ міросозерца-

нію и какъ къ методу разрѣшенія международныхъ конфликтовъ.

Крайне интересны свѣдѣнія объ организаціи красной арміи и ея административномъ аппаратѣ, смѣшеніе высшихъ военно-оперативныхъ и руководящихъ органовъ съ органами партійно-политическими, и господство послѣднихъ надъ первыми.

С достаточной подробностью нарисована жизнь совѣтской казармы съ ея насажденіемъ въ молодые головы красноармейцевъ доктринъ Маркса и внушеніемъ этой молодежи, что она является «строителемъ социализма».

Назойливое заползаніе во всѣ щели души и жизни красноармейца — вотъ характернѣйшій штрихъ всего политическаго воспитанія дисциплинарно подвластныхъ людей. Но, заканчивая книгу, читатель вмѣстѣ съ авторомъ приходитъ къ выводу, что «безконечно травленная окисями коммунизма красная армія все же остается плотью отъ плоти и костью отъ кости грандіознаго крестьянскаго массива Россіи».

А. М. Шилова

André Maurois. Tourguénev. Grasset 1931

Андрѣ Моруа выпустилъ въ одномъ томѣ четыре лекціи о Тургеневѣ, прочитанныя имъ весной 1930 г. въ Сосьетѣ де Конферансъ. Въ короткой замѣткѣ, предшествующей книгѣ, онъ и обращаетъ вниманіе на то, что лекціи эти были едва разработаны, и, что ни въ коемъ случаѣ, они не могутъ «исчерпать такой сложный сюжетъ, какъ жизнь Тургенева, исторія современной ему Россіи, критическій рѣзборъ его произведеній».